

Екатерина Мордвинцева

**Как профукать праздник.
Любовь в больничной палате**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е.

М79 Как профукать праздник. Любовь в больничной палате /
Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 238 с.

ISBN 978-5-524-00407-9

Они планировали встретить Новый год на пляже, под шум океана и бой курантов. Но жизнь распорядилась иначе: Кристина попала в аварию, а самолет с подругами исчез над водой. Теперь она заперта в больничной палате с чувством вины, разбитым телефоном и новостью, которую невозможно принять. Единственный, кто не произносит дежурных фраз, – лечащий врач Саша. Он знает, что такое ждать и не дожидаться. Он не обещает чуда. Он просто остается рядом. С книгами, с чаем, с маленькой ёлкой на тумбочке.

И с надеждой, которая умирает последней.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00407-9

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

– Ну так что решать будем?

От нетерпения Маша подергивала ногой, словно не могла усидеть на месте от волнения и ожидания. Её каблук выбивал дробь по деревянному полу кафе – ритмично, настойчиво, заставляя нервничать даже меня, хотя обычно я спокойно отношусь к чужой суете. Мы сидели в нашем любимом месте, в уютном закутке у окна, погруженные в атмосферу приятного ожидания. За окном медленно кружил первый снег, крупными хлопьями оседая на подоконниках, а внутри пахло корицей, апельсинами и свежесваренным кофе. Из динамиков лилась негромкая мелодия, которую я не узнала, но которая удивительно точно вписалась в настроение – что-то джазовое, с хрипотцой, словно певица улыбалась между строчек.

Мы собрались все вместе, как и договаривались. Шесть подруг, которые знали друг друга сто лет, а может, и все триста. Маша с её вечной энергией и привычкой брать на себя ответственность за всех. Инга, уткнувшаяся в телефон с видом человека, который вот-вот выдаст сенсацию. Женька, размышлявшая о солнце так, что, казалось, даже в её светлых волосах отражались блики. Лера, огненно-рыжая и дерзкая, которая умела одним смехом разрядить любую обстановку. Варя, тихая и чуткая, сидевшая чуть в стороне, но внимательно слушавшая каждое слово. И я – Кристина, которую вечно упрекали в домоседстве, в нежелании вылезать из уютного кокона.

– Я бы с удовольствием дома осталась, – произнесла я, отпивая из своей чашки.

Кофе был обжигающим, терпким, с нотками шоколада – именно таким, как я любила. Я поставила чашку на блюдце со звоном и легким шорохом, специально создав этим мгновение тишины. Не то чтобы я хотела прервать разговор – просто мне нравилось

ощущать, как мои слова повисают в воздухе, заставляя подруг обернуться в мою сторону.

– Кто бы сомневался, – заливистый смех Леры, как мелодичный звон колокольчиков, разнесся по всему заведению, привлекая внимание окружающих. Она откинулась на спинку стула, демонстративно закатив глаза, и её рыжие локоны рассыпались по плечам огненным водопадом. – Тебя вечно никуда не вытащишь. Крис, ну серьёзно? Дома? Сидеть в четырёх стенах под бой курантов, смотреть «Иронию судьбы» в сто пятидесятый раз и заедать оливье? Это же скуотища смертная!

– Не правда! – мои губы возмущенно надулись, хотя внутри я понимала, что она права. Домашний уют всегда манил меня больше, чем шумные компании и сомнительные приключения. Но сдаваться без боя я не собиралась. – Дома тоже можно хорошо встретить Новый год. Уютно, тепло, без дураков.

– Дураки – это самое интересное! – парировала Лера, подмигнув мне.

– Девчат, хватит! – недовольно насупилась Маша, стукнув ладонью по столу, но беззлобно, скорее для порядка. – До нового года осталось чуть меньше месяца. Если мы не хотим дома тухнуть, надо поторопиться. И так уже вряд ли билеты куда-то найдем, что не может не огорчать.

– Это точно, – глубокий вздох Инги был больше похож на пыхтение кипящего чайника, который вот-вот закипит, чем на просто вздох. Она оторвалась от телефона ровно на секунду, чтобы обвести нас всех недовольным взглядом. – И так уже неделю думаем. Неделю, Крис! Ты нас тормозишь.

– Я не торможу, я взвешиваю все за и против, – парировала я, чувствуя, как в груди зарождается знакомое чувство вины. Меня всегда называли занудой, хотя я предпочитала слово «рассудительная».

– У кого какие предложения? – Маша вновь, полная решимости, взяла инициативу в свои руки и попыталась направить нашу

дискуссию в нужное русло. Она сложила руки на столе, подавшись вперед, и её карие глаза блестели в свете маленькой лампы, висевшей над нашим столиком.

– Я на море хочу, к солнышку, – мечтательно закатила глазки к потолку Женька, представляя себе, как весело будет загорать под теплым зимним солнцем. Она даже глаза прикрыла, словно уже чувствовала, как песок щекочет пятки, а соленый ветер играет с её светлыми прядями. – Чтобы тепло, чтобы купаться, чтобы никаких пуховиков и валенок. Я так устала от этой серости за окном, что готова продать почку за билет к экватору.

– Размечталась! – в очередной раз осадила её Инга с лёгкой улыбкой. Она достала свой телефон и быстро начала в нем что-то искать среди множества приложений и сообщений. Её пальцы летали по экрану с той уверенной скоростью, которая появляется только у тех, кто привык решать вопросы быстро и без лишних сантиментов. – Так... Спешу вас огорчить: максимум, куда нам светит, это только на какую-нибудь базу отдыха в Подмоскovie, что совсем не радует. Всё приличное разобрали ещё в октябре, а то, что осталось, – либо за бешеные деньги, либо в таких местах, где и интернета нет, и отопление работает через раз.

– Не хочу я на базу отдыха! – Градова поправила свои непослушные огненные локоны, как будто собиралась обдумать свои претензии.

Движение было резким, почти вызывающим. – Скучно там, и ни о каком веселье не может быть и речи! Я помню, как мы в прошлом году ездили. Кормили этой... – она скривилась, – диетической гречкой, а из развлечений – бильярд с поломанными киями и караоке с таким микрофоном, что после него горло неделю болело. Нет уж, спасибо.

– О! – неожиданно оживилась Инга, словно ей пришла в голову гениальная идея. Она резко выпрямилась на стуле, и её лицо озарила широкая улыбка. – Есть горящий тур! Вылет двадцать пятого

ночью, и это отличная возможность! Всё включено, отель прямо на первой линии, и цена... – она сделала многозначительную паузу, – цена такая, что грех отказываться. Кто-то сдал бронь в последний момент, и туроператор отдаёт за полцены.

– И куда? – я немного отодвинулась в сторону, позволив появившемуся официанту поставить передо мной тарелку с ароматным жареным мясом. Парень был молод, с забавными веснушками на носу, и он улыбнулся мне так, словно мы были старыми знакомыми. Я машинально улыбнулась в ответ, хотя мысли уже крутились вокруг Ингиной загадки.

Тут же манящий и непередаваемый аромат разнесся вокруг, и девушки оживились, словно только что вошли в мир быстрого и вкусного обеда. Одна лишь Инга продолжала сосредоточенно возиться в своем телефоне, время от времени поджимая губы и кивая каким-то своим мыслям.

– Так куда? – повертев в руке вилку, я отодвинула от себя тарелку, уставившись на подругу с надеждой и любопытством. Любопытство было сильнее голода, хотя мясо выглядело аппетитно, с хрустящей корочкой и ароматными травами.

– Потом сюрприз будет, – Инга подмигнула остальным, запустив в воздух легкую интригу. Она сунула телефон в сумку и взяла свою чашку с травяным чаем, сделав вид, что её совершенно не волнует наше нетерпение.

– Нет-нет-нет! – не унималась я с настойчивостью, как будто находилась в важной игре. – Как минимум я должна знать, что с собой брать, чтобы всё было готово. Мне нужно знать климат, чтобы собрать аптечку, понять, какие вещи брать, и вообще – я не собираюсь лететь непонятно куда.

Вдруг там сейчас сезон дождей? Или, ещё лучше, – я понизила голос до трагического шёпота, – медузы?

– Трусика, бусики и денег побольше, – в голос расхохоталась Валерия, создав тем самым расслабленное настроение. Она даже

стукнула ладонью по столу, и её смех был таким заразительным, что я невольно улыбнулась, хотя и старалась сохранить серьёзное выражение лица.

– Ну я серьезно! – протянула я, делая вид, что обиделась. Я скрестила руки на груди и отвернулась к окну, за которым снег всё падал и падал, укутывая город в белое одеяло. Где-то там, за этой снежной пеленой, был аэропорт, самолёты, которые уносили людей к теплу и солнцу. И я вдруг с остротой осознала, что, может быть, действительно не хочу лететь. Не потому, что боюсь, а потому, что не люблю менять привычный уклад. Но признаваться в этом вслух было стыдно – подруги и так считали меня слишком домашней.

– Да ладно тебе, не обижайся, – расплылась в широкой улыбке Инга, всё-таки озвучив название хоть и не совсем популярного, но достаточно хорошего курортного городка на тёплом море, где даже в декабре можно было загорать и купаться. Название было знакомым – я слышала о нём от коллег, которые ездили туда в прошлом году и вернулись с восторженными рассказами о бирюзовой воде и белоснежных пляжах. – Ну что, все согласны? Я смотрю билеты, пока они не ушли. Восемь мест, двадцать пятое декабря, ночной вылет. Время – 23:50. Представляете? Мы взлетаем практически под бой курантов. Встречаем Новый год в небе, а прилетаем – и сразу в лето. Романтика!

– Согласны или нет, возражения не принимаются! – довольно постановила Дегтярева и подняла свою чашку с фруктовым чаем, полный надежды и радости. Её глаза сияли, и в этом сиянии читалось что-то детское, восторженное, такое, что даже моё сопротивление начало таять. – Празднуем новый год под яркими лучами солнца!

– За новогоднее приключение! – Маша подхватила её порыв, поднимая свой капучино.

– За лучший новый год! – поддержали мы её, подняв чашки.

Зазвенел тонкий фарфор, смех смешался с джазовой мелодией, и в этот момент, глядя на лица подруг – живые, радостные, полные

предвкушения, – я почувствовала, как что-то теплое разливается в груди. Может, действительно стоит согласиться? В конце концов, раз в год можно и вылезти из скорлупы.

Я взяла вилку и наконец попробовала мясо. Оно таяло на языке, и я поймала себя на мысли, что даже еда сегодня кажется вкуснее, чем обычно. Словно сам воздух был пропитан предновогодним волшебством.

Дни пролетели незаметно, как это всегда бывает в преддверии праздника. Они слились в одну череду ярких огней, суеты в магазинах, бесконечного выбора подарков и примерки купальников перед зеркалом, когда я пыталась понять, влезу ли я в прошлогодний, или пришло время покупать новый.

Я всё чаще ловила себя на том, что думаю о поездке. Сначала с опаской, потом с лёгким волнением, а под конец – с нетерпением. В моей душе поселилось странное предчувствие, которое я списывала на обычное волнение перед отпуском. В конце концов, я не летала уже три года, и сама мысль о том, что через несколько часов я буду в тёплой стране, казалась одновременно пугающей и манящей.

Мы с Ольгой, моей самой близкой подругой, договорились ехать в аэропорт вместе. Она жила на соседней улице, и мы часто завтракали в одной кофейне по выходным. Ольга была из тех людей, которые умеют успокаивать одним своим присутствием – тихая, рассудительная, с мягкой улыбкой и удивительной способностью находить нужные слова в любой ситуации. Именно с ней я чувствовала себя в безопасности.

– Ты как? – спросила она, когда мы загружали чемоданы в багажник её небольшого серого седана.

Вечер двадцать четвертого декабря выдался морозным и ясным. Снег перестал идти, и город замер в ожидании чуда. Улицы сия-

ли гирляндами, из каждого окна доносилась музыка, и воздух был таким прозрачным и холодным, что казалось, он позванивает, как хрусталь.

– Нормально, – ответила я, хотя внутри всё сжималось от странного предчувствия. – Волнуюсь немного. Первый раз за три года.

– Всё будет хорошо, – улыбнулась Ольга, и её улыбка была такой спокойной, что я почти поверила. – Подумаешь, полет. Пять часов – и мы на месте. Главное – не забудь паспорт.

– Паспорт при мне, – я похлопала по сумке, висевшей на плече. Внутри лежали все документы, билеты, зарядка, маленькая подушка для шеи и тот самый купальник, который я в итоге купила – изумрудно-зелёный, под цвет глаз, как сказала продавщица в магазине.

Мы выехали на шоссе. Дорога была скользкой, но Ольга вела машину аккуратно, не превышая скорость. В салоне играло радио, диктор весело поздравлял слушателей с наступающим Новым годом и обещал морозную, но солнечную погоду. Я смотрела в окно на огни города, которые постепенно редели, уступая место темноте загородного шоссе.

– Инга, наверное, злится, что не летит, – сказала я, чтобы нарушить тишину. – Босс её – настоящий тиран.

– Она справится, – ответила Ольга, перестраиваясь в правый ряд. – Инга вообще из тех, кто любую ситуацию в свою пользу обернёт. Вот увидишь, она приедет позже и устроит там такое веселье, что мы все позавидуем.

– А Даша? Ей вчера звонила. Тоже переживает, что не успела обменять валюту. Говорит, что в аэропорту курс грабительский.

– Даша всегда переживает, – рассмеялась Ольга. – Это её суперсила. Но она всё равно приедет. Мы же все будем там. Все вместе.

«Все вместе», – повторила я про себя, и это звучало как обещание.

Мы выехали на трассу, которая вела прямо к аэропорту. Машин было немного, и я уже начала расслабляться, думая о том, как мы встретимся с подругами, как пройдем регистрацию, как сядем в са-

молёт и взлетим. Я даже представила, как смотрю в иллюминатор на огни города, которые становятся всё мельче и мельче, пока не превращаются в россыпь золотых искр на чёрном бархате ночи.

А потом всё случилось.

Я не знаю, что произошло. Может быть, лёд, может быть, Ольга отвлеклась на секунду, может быть, кто-то вылетел на встречу – я так и не поняла. Я помню только ослепительный свет фар, который вдруг оказался не там, где ему полагалось быть. Он нарастал, заполняя всё пространство, и в этом свете не было ничего, кроме белого, режущего глаза сияния.

Я услышала крик Ольги – резкий, пронзительный, такой, от которого кровь стынет в жилах. Потом визг тормозов, который показался мне бесконечным. Потом удар.

Удар был таким сильным, что я не поняла, где верх, а где низ. Мир перевернулся, и в этом перевороте не было ничего от киношной плавности – только боль, темнота и звук металла, который сминался, рвался, скрежетал. Моё тело бросило вперёд, и что-то – кажется, подушка безопасности – ударило меня в лицо, в грудь, в голову.

А потом наступила тишина.

Эта тишина была странной. Она не была полной – в ней слышались какие-то звуки: шипение, капли, далёкий голос. Но я не могла понять, где нахожусь. Мои глаза не открывались, словно веки налились свинцом. В голове пульсировала боль – тупая, тяжёлая, такая, что я не могла думать ни о чём другом.

– Крис? – голос Ольги донёсся откуда-то издалека. – Крис, ты слышишь меня?

Я попыталась ответить, но из горла вырвался только хрип. Язык казался чужим, непослушным, словно превратился в кусок ваты.